

ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ ТЕОРИЯ: РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИФА

Рец. на кн.: Eagleton T. Theory of Literature. An Introduction. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 234 p.

Рецензия посвящена книге Терри Иглтона «Теория литературы. Введение». Автор рецензии относит исследуемый труд к определенной тенденции в философии и эстетической мысли XX в. Можно рекомендовать данную рецензию для прочтения студентам-филологам и культурологам, специалистам гуманитарных направлений, литературным критикам и всем интересующимся европейским гуманитарным сознанием XX в.

Ключевые слова: литература; теория литературы; литературный критик; литературный критицизм; художественное произведение; текст; история; социология.

Книга известного британского литературоведа, критика и философа выдержала уже несколько изданий. Впервые она увидела свет в 1983 г. Этот труд соответствует принципам западного литературоведения того типа (Kristi Siegel, Anne Jefferson, David Robey, Rene Welek etc), который российский профессиональный читатель скорее отнесет к литературной критике или философской эстетике.

Такое различие подходов к проблеме теории литературы коренится в несовпадении методологических традиций. Для профессионального российского читателя, со студенческой скамьи привыкшего к классическим работам в этой области Ю.Н. Тынянова, В.М. Жирмунского, Б.В. Томашевского, М.М. Бахтина и др., название и содержание книги Иглтона могут показаться не соответствующими друг другу. Ее автор характеризует идеи, появившиеся в конце XIX и в XX вв. в различных теоретических школах и применявшиеся исследователями в качестве основы для интерпретации текстов. Он рефлектирует над базовыми тезисами эстетики, лингвистики и психологии XX в. и выявляет их связь с социальными про-

цессами и историей литературы. Иглтон оставляет за собой право на критический взгляд и диалог с представленными точками зрения. Поэтому данную книгу можно отнести к разряду критических обзоров литературы по определенной проблеме с четкой акцентуацией позиции автора. Это – своего рода книга-разоблачение, подвергающая сомнению самую возможность теории литературы и даже литературы как таковой. Иглтон не предлагает собственного видения дисциплины как учения о системе литературных жанров, о приемах и стилях. Лишь в заключении он подводит читателя к основной своей мысли, довольно смелой и обескураживающей.

Для непрофессионального читателя эта книга будет увлекательным чтением, подводящим к более глубокому пониманию основных идей, провозглашенных теоретиками литературы и языка, а также философами в XX в. Стиль работы подтверждает эрудицию автора, его прекрасное чувство юмора и способность блестяще аргументировать свою позицию.

Во введении под названием «Что такое литература?» Иглтон приводит ряд критериев, по которым ученые определяли этот вид искусства, разоблачая каждый из предложенных вариантов. В большей степени он спорит с русскими формалистами и приходит к выводу, что определение того или иного текста как литературного зависит от исторической и социальной обстановки в конкретный момент в конкретном государстве. Речь идет о социальной идеологии, на самом деле определяющей, с точки зрения автора, кажущиеся спонтанными субъективные оценки.

Необходимо отметить, что мысль Иглтона о неразрывной связи между принципами различения литературы и не-литературы и идеологическими концепциями эпохи имеет свои корни в приверженности автора к философии неомарксизма. В связи с этим книга «Теория литературы. Введение» отражает не только точку зрения Иглтона как литературного критика, но и его философскую и социальную позицию. Именно поэтому, как пишет сам автор в предисловии ко второму изданию книги, его работа может заинте-

ресовать не только литературных критиков и теоретиков культуры, но также юристов и антропологов.

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и послесловия. Первая глава посвящена укреплению общественно-политического положения Англии с помощью языка и литературы – именно так видит ситуацию Иглтон. Анализируя общественные и исторические процессы, происходившие в Англии на протяжении нескольких веков, автор утверждает, что, например, в XVIII в. литература в Англии «была жизненно важным инструментом для укоренения и распространения...социальных ценностей» (с. 21)¹. Вслед за Мэтью Арнольдом он полагает, что «если не кинуть массам новые романы, массы кинутся на баррикады» (Там же).

Прослеживая историю англоязычной критики на примере таких авторов, как М. Арнольд, И.А. Ричардс, У. Эмпсон, Т.С. Элиот, Иглтон иллюстрирует взаимосвязь литературы и общественных течений примерами из викторианского и поствикторианского периодов. Заимствовав современное понятие литературы из XIX в., – говорит он, – мы не можем не согласиться с тем, что литература и идеология это тождественные, равные понятия.

Вторая глава книги посвящена феноменологии, герменевтике и рецептивной эстетике. Иглтон перечисляет принципы феноменологической критики Э. Гуссерля: имманентное чтение, не активная интерпретация произведения, а пассивное восприятие текста. Феноменология Гуссерля и экзистенциализм М. Хайдеггера, с его точки зрения, – почва чистого интеллекта и философия, говорящая обо всем живом. По Хайдеггеру, язык служит не просто инструментом общения, вторичным приемом для выражения идей – он еще является тем измерением, в рамках которого живет человек. Иглтон высоко оценивает философию Хайдеггера в частности потому, что истоки теоретического знания она ставит в контекст практических социальных интересов. Такая установка близка позиции самого Иглтона.

Описывая теорию рецептивной эстетики В. Изера, автор книги сравнивает ее с либеральной гуманистической теорией и находит общий стержень: убеждение в том, что читатель должен воспринимать произведение открыто, обладать способностью задавать вопросы и подвергать сомнению прочитанное. Но для Иглтона подход Изера не так либерален, как это может показаться на первый взгляд. Пытаясь сделать акцент на способности литературы разрушать и трансформировать коды читательского восприятия, Изер, по мнению Иглтона, безоговорочно принимает тот тип читателя, который должен зародиться в результате прочтения. Замкнутость круга между читателем и произведением отражает замкнутость академического института Литературы, к которому не относится определенная часть текстов и читателей. Теоретики рецептивной эстетики затрагивают проблему эпистемологии: если рассматривать «произведение в себе» как основу, в которую разные читатели «впишут» разные смыслы, то можно ли обсуждать данное произведение, ничего не принося в него? Р. Ингарден признает наличие такой проблемы, но не предлагает адекватного ее решения; Изер считает, что читатель может достичь определенного уровня свободы – но все же он не волен интерпретировать текст так, как хочет.

Подводя итоги второй главы, Иглтон подчеркивает, что его целью было показать, насколько тесно связано многообразие литературных и эстетических теорий с тем, в каком обществе и в какую эпоху мы живем; продемонстрировать, что в чистом виде «литературных» ответов на вопросы не существует. Любая теория в той или иной степени является прочтением общественных реалий.

Рассматривая в третьей главе книги теорию структуралистов и основные принципы семиотики, Иглтон утверждает, что понятие компетенции ограничено. Он задает вопрос: если язык, с точки зрения Ф. де Соссюра, предполагает систему с разграниченной структурой значений, то где можно провести границу в языке?

Анализируя понятие «компетентного читателя», одно из основных понятий структурализма, Иглтон обращает внимание на некоторую инструментальную ограниченность теории. Компетентный читатель – это тот, кто может прочитывать текст по определенным правилам. Но кто регламентирует правила для создания и применения правил? Структуралисты используют аксиоматичный набор правил для определения компетенции. Исследователь, который применяет такой инструментарий, ограничивает себя. Иглтон видит истоки феномена структурализма в процессах, происходивших в языке, а значит, и в европейском обществе конца XIX и первой половине XX вв. Структурализм, с его точки зрения, был ответом на кризис языка в Западной Европе, причиной которого, в свою очередь, стало превращение дискурса в инструмент науки, коммерции, бюрократии и рекламы.

Пост-структурализм же, по Иглтону, – реакция интеллектуалов на события 1968 г.: «постструктурализм был итогом соединения эйфории и разочарования, освобождения и легкомыслия, карнавала и катастрофы, которым был 1968 год» (с. 122). Будучи не в состоянии разрушить власть, постструктуралисты принялись за разрушение структур языка. В частности, автор видит связь между постструктурализмом и феминистским движением, полагая, что борьба за общественные и сексуальные права женщин и отсутствие адекватной политической реакции на эти процессы явились одним из факторов, спровоцировавших переход от структурализма к постструктурализму. Постструктуралисты стремились уничтожить одну из самых страшных бинарных иерархических оппозиций – оппозицию мужчины-женщины. Таким образом, с точки зрения Иглтона, логически совершается переход от оппозиции знаков Ф. де Соссюра к старейшей оппозиции в мире.

Обособленным разделом книги Иглтона является глава о психоанализе. Предыдущие главы были расположены в хронологической последова-

тельности, последняя же выбивается по хронологии, охватывая период с конца XIX в. до конца 1970-х гг. Сам автор обращает внимание на то, что его целью в остальных разделах книги было описание взаимоотношений между процессами в современной теории литературы и в политико-идеологическом поле. Глава о психоанализе переносит повествование об эстетико-литературных движениях в иную плоскость. Иглтон считает, что психоанализ позволяет представить литературные процессы XX в. в новой системе координат, с другого ракурса, увидеть социальное и эстетическое через физиологическое. В литературной критике, находящейся в рамках психоанализа, Иглтон выделяет четыре типа: работы об авторах произведений, об их содержании, о формальной структуре и о читателе. Больше количество критических работ относится к первым двум типам. Для Иглтона проблема автора и содержания представляется наиболее сложной, а существующие варианты ее решения неполными.

Подводя некий итог освещению теорий, представленных в книге, Иглтон пишет, что большинство из данных концепций можно рассматривать как форму «повторного пересмотра» (с. 157) произведения, в которой стремление автора к поиску гармонии, глубины и смысла разъединяет аспекты произведения, сглаживает его конфликты. Также в значительной части исследований, упомянутых Иглтоном, художественное произведение воспринимается как выражение или отражение реальности: оно раскрывает человеческий опыт, воплощает авторскую интенцию. Фрейдовское понимание сновидения позволяет увидеть по-другому и художественное произведение: оно становится не отражением реальности, но способом создания нового «продукта» (product). Как и сновидение, произведение оперирует набором материалов: языком, предшествующими произведениями, способами восприятия мира – и с помощью определенной техники конструирует этот продукт.

Иглтон видит точки пересечения психоанализа с некоторыми эстетическими течениями второй половины XX в., в частности, с позицией «философа-феминистки» (с. 162) Ю. Кристевой. Он сравнивает теорию Кристевой с анархизмом – поскольку семиотика разрушает все стабильные значения. Исследовательница, по мнению Иглтона, уделяет слишком мало внимания политическому содержанию текста и историческим условиям, в которых он создается и интерпретируется. Здесь мы еще раз убеждаемся в том, что для Иглтона погружение в идеологический и политический контекст эпохи написания и интерпретации произведения – ключ к его пониманию.

Заключение книги носит название «Политическая критика», в нем представлено средоточие тезисов Иглтона. Автор отвергает возможность существования «чистой» теории литературы, имея в виду теорию литературы, освобожденную от идеологической и социальной подоплеки, называя ее «академическим мифом» (с. 170).

Интересно, что за пятнадцать страниц до конца книги автор неожиданно возвращается к вопросу, заданному во введении: что такое литература и как может существовать теория литературы, если литературы как таковой не существует? Если все то, что мы называем литературой, реально только в определенном идеологическом ракурсе определенной эпохи, в рамках же другой идеологии и другого исторического периода может не считаться литературой? Теория литературы, по общепринятому мнению, пишет Иглтон, предполагает отражение природы литературы и литературной критики.

Здесь на первый план выходит некая терминологическая путаница, поскольку сама книга Иглтона, имеющая в названии термин «теория литературы» не раскрывает в полной мере его содержание. Автор полагает, что и теория литературы, и литературная критика могут быть просто видами разговора о литературе. Итогом становится следующая мысль: если лите-

ратура является иллюзией, то теория литературы есть также иллюзия. Теория литературы, по Иглтону, есть не что иное, как ответвление социальных идеологий, изменяющихся со временем. Таким образом, данная книга является не введением в теорию литературы, но своеобразным некрологом для нее. Думается, Иглтон по-своему продолжает современную тенденцию «хоронить» Автора, Текст, добравшись и до дисциплины, объединявшей эти аспекты литературы в своем предмете.

Пока критики Шекспира и Пруста изолируют их тексты от истории, утверждает автор книги. Но он оставляет литературе смутную надежду на светлое будущее: если тексты такого уровня освободятся от контроля «предубежденной» критики, то за этим последует либо смерть литературы, либо ее спасение.

¹ Здесь и далее перевод мой – *Т.А.*